

М. Г. Степанов

ИСТОРИЯ ДЕПОРТАЦИИ КРЕСТЬЯН ПЕРИОДА НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР (1929–1933 ГОДЫ) В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье проанализирована проблема депортации советских крестьян в период насильственной коллективизации (1929–1933 гг.) в современной российской исторической науке. В частности, автором рассмотрена проблема в трех аспектах: первый – массовые депортации в рамках всего государства; второй – локальные депортации; третий – определение информативной возможности источников по проблеме депортации.

Ключевые слова: историография, депортация, коллективизация, сталинизм.

Отдельной темой в современных исследованиях отечественных историков является проблема «массовых депортаций» как одной из форм политических репрессий в СССР.

Рассматривая понятие «депортация», исследователи не всегда единодушны в его определении. Данное состояние дел обуславливается тем, что на протяжении советского периода российской истории изучению депортации как разновидности политических репрессий мешали многочисленные запреты, идеологические рамки и отсутствие свободного доступа исследователей к архивным материалам по рассматриваемой нами проблеме.

В настоящий момент можно выделить два подхода к понятию – «депортация»: в официальных документах и в историографии. Следует отметить противоречивость в толковании характера депортации со стороны советского правительства. Так, в документах по депортации – докладных записках, справках, донесениях в НКВД СССР, докладах И. В. Сталину, наркому Л. П. Берии, в ГКО СССР, в СНК СССР и другие ведомства отсутствует единая трактовка «депортации». Каждая акция по депортации получала особое толкование. Они рассматривались то как «особое государственное задание», то как «особое правительственное мероприятие, охватывающее контингент по национальным признакам» или по «признакам повышенной политической активности»¹.

В. П. Данилов и С. А. Красильников трактуют массовые депортации крестьянства начала 1930-х гг. как ссылку, вместе с тем, исследователи отмечают, что «она являлась экстраординарной акцией и не подпадала под классические черты ссылки в силу трех об-

стоятельств: крестьяне ссылались семьями; сроки пребывания на поселении не были определены; трудоспособные спецпереселенцы обязывались работать»².

А. А. Шадт дает следующее определение понятия «депортация»: «...это процесс принудительного переселения отдельных социальных или (и) этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде»³. Исходя из данного подхода к проблеме депортации, она фактически выступает в качестве процедуры помещения социальных и (или) этнических групп на спецпоселение, которое в свою очередь является механизмом удержания их в условиях особого режима.

П. М. Полян во ввводной статье сборника документов «Сталинские депортации. 1928–1953» под «депортацией» или «насильственной миграцией» понимает одну из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств с применением силы и принуждения. Автор выделяет следующие специфические особенности депортаций как репрессий. Во-первых, их административный, то есть внесудебный характер. Во-вторых, это их списочность, или точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Третьей особенностью является их достаточно явственная установка на вырывание масс людей из устоявшейся и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду⁴.

Проблема депортаций крестьян времени насильственной коллективизации на наш взгляд требует рассмотрения в рамках двух аспектов: первый – массовые депортации в рамках всего государства; второй – локальные депортации.

Что касается первого аспекта, то здесь необходимо выделить стержневой вопрос масштабов массовых депортаций в рамках государства.

Так, И. Е. Зеленин отмечает, что в целом по стране, по подсчетам специальных комиссий ЦК ВКП (б), на протяжении 1930 г. была «раскулачена» и выслана в отдаленные районы страны 115231 крестьянская семья, в 1931 г. «раскулачены» 265795 семей, а всего за два года – 381026 семей⁵.

Предложенные И. Е. Зелениным данные разделил и Н. Я. Гущин, правда, обратив внимание на то, что в это число не входят кулаки, заключенные в тюрьмы и лагеря, отнесенные к «первой категории» и др.⁶

Вышеперечисленной статистики придерживается и Б. П. Курашвили, правда, обращающий внимание на то, что в начале 1932 г. «бывших кулаков» на спецпоселении осталось 1,3 млн человек. Убыль в 0,5 млн произошла из-за смертности, побегов и освобождения высланных неправильно⁷.

В. Н. Земсков в своем монографическом исследовании со ссылкой на справку Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.» указывал, что в это время было отправлено на спецпоселение 381173 семьи общей численностью 1803392 человека⁸.

В отличие от И. Е. Зеленина и Н. Я. Гущина, В. И. Мусаев, используя информативные возможности Российского государственного архива социально-политической истории и данные, опубликованные Н. А. Ивницким, пишет, что в 1930–1931 гг. депортации подверглись 356544 семей или 1679528 человек⁹.

П. М. Полян со ссылкой на данные Н. А. Ивницкого как исходные, отметил, что «к концу 1930 г. из районов сплошной коллективизации было переселено 77795 семей, насчитывавших 371645 человек. Главными изменениями географии выселения кулаков в 1931 г. по сравнению с 1930 г., было резкое расширение пространства раскулачивания, а в географии вселения – резкое сокращение

удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урала). В 1932 г. на спецпоселение поступило 71236 человек. За период с осени 1932 г. по апрель 1933 г. население СССР сократилось на 7,7 млн человек, в том числе на Украине на 4 млн человек и примерно по 1 млн человек потеряли Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан»¹⁰.

Другая часть работ связана с анализом масштабов и последствий массовых крестьянских депортаций в отдельные регионы СССР.

Так, И. Е. Плотников в своей статье обратился к проблеме «ликвидации кулачества» на Урале. Всего за 1930 и 1931 гг., по данным ОГПУ, в Уральскую область было вселено из других краев и областей 123547 семей (571355 человек), в Сибирь – 98 488 семей (455074 человек), в Северный край – 58 800 семей (288560 человек), в Казахстан – 50268 семей (241331 человек), Дальне-Восточный край – 9694 семьи (48269 человек), Ленинградскую область – 6884 семьи (31466 человек). Гигантский объем кулацкой ссылки на Урал объяснялся масштабами индустриального строительства этого края. Сталинское руководство, подстегивая темпы индустриализации страны, намерено было в самые сжатые сроки превратить этот регион в один из ведущих индустриальных, не пренебрегая никакими средствами. Именно спецпереселенцы стали здесь основным источником дешевой рабочей силы¹¹.

В целом И. Е. Плотников утверждает, что лишенные элементарных человеческих прав, кулаки, направленные на Урал, по существу, были превращены в рабов военно-коммунистической сталинской диктатуры¹².

Проблема «кулацкой ссылки» на Урале в 1930–1936 гг. была рассмотрена в опубликованной Т. И. Славко монографии. В качестве основной характеристики исследуемого региона автор отметила, что «Урал явился одним из основных районов ссылки семей раскулаченных <...> Первая волна спецпереселенцев была направлена сюда в 1930 г. Наиболее многочисленная – весной и летом 1931 г., когда в 33 района Уральской области было вывезено 47,1 тыс. семей. Массовое переселение продолжалось и в последующий период»¹³.

По мнению автора, одной из наиболее массовых политических кампаний, носящих репрессивный характер, явилось лишение из-

бирательных прав значительной части населения страны, и прежде всего крестьянства¹⁴.

Новосибирский историк С. А. Папков приводит данные о том, что в течение 1930–1931 гг. в отдаленные районы Сибири, включая Якутию, ОГПУ насильно переселило более ста тысяч крестьянских семей общей численностью около полумиллиона человек. По регионам они распределялись таким образом: Западная Сибирь – 82457 семей (363238 человек), Восточная Сибирь – 25348 семей (91714 человек)¹⁵.

Особое внимание исследователь обращает на то, что документы тех лет не дают никаких сколько-нибудь достоверных данных о количестве жертв среди сосланных крестьян. Однако даже отрывочные сведения из официальных источников, по мнению С. А. Папкова, заставляют предполагать, что уровень смертности в критические периоды достигал невероятных размеров – до половины общего числа переселенцев¹⁶.

В. И. Мусаев анализируя последствия депортаций из Ленинградской области в 1930–1931 гг. отмечает, что в общей сложности были депортированы 8604 «кулацкие» семьи, из них 5344 – на Кольский полуостров, 337 – на Урал, 1269 – в Западную Сибирь, 929 – в Восточную Сибирь, 725 – в Якутию¹⁷. Выявляя региональные черты, В. И. Мусаев пишет, что в Ленинградской области террор затронул русских крестьян и православное духовенство и верующих не в меньшей степени, чем национальные и религиозные меньшинства¹⁸.

Второй аспект, рассматриваемый современными российскими историками – локальные депортации в рамках региона.

Анализируя локальные депортации в рамках сибирского региона, Н. Я. Гущин говорит о срочности проведения акции «раскулачивания» и спецпереселения, неподготовленности многих мест расселения. Далее он пишет, что «...в сентябре 1930 г. только в Западной Сибири намечалось для переселения 4 северных отдаленных района, тысячи “раскулаченных” из 9 пунктов временного расселения. Подобные передвижки с юга на север и в обратном направлении происходили в начале 1930-х годов постоянно, что свидетельствовало о “экономическом беспределе” властей в хозяйственном использовании бесправной “рабсилы” и приводили к дополнительным человеческим жертвам»¹⁹.

Локальные выселки крестьянства Западной Сибири в первой половине 1930-х гг. были рассмотрены в статье С. А. Красильникова, который обратил внимание на первую «инициативную» локальную депортацию на территории ряда районов Западной Сибири зимой-весной 1931 г. Автор отмечает, что в отличие от массовых выселок 1930 и 1931 гг. ее характеризовали «скромные» размеры: репрессиям подвергалось менее тысячи крестьянских семей²⁰.

Следующая по времени локальная выселка крестьянства из ряда районов «сплошной коллективизации», по данным исследователя, производилась во второй половине марта 1931 г. и затронула 14 районов преимущественно юга Западной Сибири (2,5 тысячи хозяйств).

С. А. Красильников констатирует, что к 1932 г. эпоха массовых депортаций крестьянства, затрагивавших все регионы страны, фактически завершилась. Наступила новая фаза государственной репрессивной политики в деревне, где на первое место выходили карательные акции, связанные прежде всего с так называемыми хозполиткампаниями – хлебозаготовками, посевом, уборкой зерновых и т. д.²¹

Выделяя региональную специфику, С. А. Красильников пишет, что взаимодействие принудительных, вынужденных и добровольных миграционных потоков привело в итоге к созданию на территории Западной Сибири анклавов Нарымский край, Кузбасс, функционировавших по законам и принципам принудительной экономики, где универсальной «рабсилой» выступало репрессированное крестьянство²².

В статье «Спецпереселения в Сибири в контексте становления репрессивной экономики в СССР (январь-март 1930 г.)» С. А. Красильников акцентировал внимание на том, что карательно-изоляционный принцип доминировал над освоенческо-экономическим. Вектор принудительных переселений крестьянства внутри сибирского региона имел направленность с юга на север и с запада на восток, как правило, в глубь тайги, в районы не только не освоенные, но и весьма слабо исследованные местными переселенческими органами²³.

Всего же по данным С. А. Красильникова в течение 1930–1931 гг. внутрисибирские выселки затронули 68 тыс. семей (из 100 тыс. «кулацких хозяйств», зарегистрированных местными органами накануне массовой коллективизации)²⁴.

В коллективной работе новосибирских исследователей «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы)» обращено внимание на немаловажный факт – массовая депортация крестьянских хозяйств не была прописана в карательном законодательстве. Для обоснования этого тезиса приведены следующие аргументы: «Во-первых, она проводилась не судебными, а административными, советскими органами, следовательно, подпадала под определение административной высылки и ссылки. Однако по действовавшему законодательству данный вид репрессии носили индивидуальный, а не семейный характер. Во-вторых, адмвысылка и ссылка имели фиксированные сроки применения – не более пяти лет. Их преодоление допускалось, но не более чем на год и по специальному решению. Крестьянская же ссылка оказалась бессрочной. В-третьих, административная ссылка не предусматривала обязательного привлечения ссыльного к труду, последний сам выбирал род занятий и место работы. Депортированному крестьянству труд вменялся в обязанность, а место и род занятий определялись репрессивными и хозяйственными органами. Таким образом, депортация крестьянства являлась экстраординарной ссылкой, носившей бессрочный, семейный характер в соединении с принудительным трудом»²⁵.

Также в современной историографии получила отражение проблема определения информативной возможности источников, отражающих процесс депортации советского крестьянства в 1929–1933 гг.

Так, в опубликованной в 1998 г. в журнале «Отечественная история» статье Л. И. Гинцберг отметил, что среди появившихся документальных сборников архивов Урала и Западной Сибири, посвященных теме спецпереселенцев, можно отметить их общий недостаток – практическое отсутствие секретных решений центральных партийных инстанций, определявших депортацию, а в дальнейшем – и всю жизнь спецпереселенцев на новых местах²⁶.

Автор проанализировал архивные материалы Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории [ныне Российский государственный архив социально-политической истории – М. С.], и, в частности, материалы комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по спецпереселенцам, которая была

создана в марте 1931 г. и возглавлялась председателем ЦК ВКП (б) и наркомом РКИ СССР А. А. Андреевым. По данным Л. И. Гинцберга, «большая часть материалов комиссии – подготовительные документы для ее решений: сводки и справки о ходе переселения и ситуации в местах расселения. Преобладают в архиве планы новых депортаций, расчеты численности спецпереселенцев и их распределение по различным регионам»²⁶.

Канадская исследовательница Л. Виола в своей статье рассмотрела роль ОГПУ в процессе «раскулачивания» в 1930 г. Автор использовала материалы Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, хотя же сама обратила внимание на ограниченность источниковой базы исследования, так как у исследователей пока нет полного доступа к документам основных комиссий Политбюро и других комиссий, связанных с данной темой, как и нет доступа к папкам ФСБ по «раскулачиванию» и спецпереселенцам²⁷.

В целом Л. Виола делает хрестоматийный в постсоветской историографии вывод о том, что организационное расширение ОГПУ за счет НКВД РСФСР, поставило это учреждение во главу мощной империи рабского труда²⁸.

С. А. Красильниковым поставлена проблема источниковедческого анализа документальных комплексов по «кулацкой ссылке». По мнению исследователя, самое сложное звено исторического анализа – это семейная высылка. В результате чего, автор приходит к выводу о том, что «центральной единицей, и даже статистической, была семья. Значит, и нужно концентрировать информацию по семье, по максимуму сведений в этих личных делах на главу семьи. Там могут быть данные о детях, которых снимали с учета, выдавали паспорта, отправляли на учебу. Началась война, их мобилизовали в Красную армию, – соответственно появлялась дополнительная информация; они возвращались с наградами – это позволяло снять со спецучета всю семью»²⁹.

В целом можно констатировать, что за последнее время был опубликован значительный пласт архивных источников по проблеме репрессий, в отношении крестьянства периода насильственной коллективизации. В эту группу следует отнести следующие сборники.

Первым обобщающим сборником общесоюзных материалов по проблеме репрессий в отношении крестьянства периода насильственной коллективизации в СССР стал сборник «Трагедия советской деревни»³⁰.

На материалах сибирского региона необходимо отметить сборник документов «Политика раскрестьянивания в Сибири»³¹.

В 2004 г. Государственным архивом РФ, Российским государственным архивом социально-политической истории, архивом Президента РФ и центральным архивом ФСБ РФ был опубликован семитомник «История сталинского Гулага»³². На настоящий момент это, по сути, единственный сборник ранее засекреченных, недоступных для широкого круга исследователей документов высших государственных и партийных органов.

Также следует отметить опубликованный в 2005 г. сборник документов «Сталинские депортации», где, в частности, получил отражение процесс массовой депортации крестьянства³³.

Таким образом, в процессе сравнительно краткого анализа проблемы депортации крестьян периода насильственной коллективизации в СССР (1929–1933 гг.) в современной исторической науке можно сделать ряд выводов. Во-первых, в постсоветских публикациях по проблеме сложились практически идентичные оценки в определении числа советских крестьян, депортированных в 1930–1931 гг. Во-вторых, значительное количество исследований посвящено локальным депортациям. Особенно активно данная проблематика получила разработку в работах ученых Урала и Сибири. И, в-третьих, проанализирован источниковедческий аспект по теме депортации советского крестьянства. В частности, сделан вывод о некоторой еще ограниченности источниковой базы. А отсюда приходится констатировать, что, несмотря на обилие и разнообразие публикаций, пока нет достаточных оснований считать эту проблематику полностью исчерпанной.

Примечания

¹ Бугай, Н. Ф. Депортация в 40-е гг. с юга России. Причины, ход, последствия / Н. Ф. Бугай // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге / под ред. Н. Ф. Бугая. – М., 1995. – С. 43.

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / предисл., ред. В. П. Данилов, С. А.

Красильников ; сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пашенко, Р. К. Суханова. – Новосибирск, 1996. – С. 13.

³ Шадт, А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Шадт. – Новосибирск, 2000. – С. 16.

⁴ Полян, П. М. Депортации и этничность / П. М. Полян // Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. – М., 2005. – С. 5.

⁵ Зеленин, И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия / И. Е. Зеленин // Вопр. истории. – 1994. – № 10. – С. 31.

⁶ Гуцин, Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.) : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н. Я. Гуцин. – Новосибирск, 1996. – С. 118.

⁷ Курашвили, Б. П. Историческая логика сталинизма / Б. П. Курашвили. – М., 1996. – С. 161.

⁸ Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В. Н. Земсков. – М., 2005.

⁹ Мусаев, В. И. Коллективизация и раскулачивание в Ленинградской области (1930-е гг.) / В. И. Мусаев // Россия в XX веке / под ред. В. М. Ковальчука. – СПб., 2005. – С. 191.

¹⁰ Полян, П. М. Не по своей воле : история и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 69, 72, 77, 78.

¹¹ Плотников, И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале / И. Е. Плотников // Отечеств. история. – 1993. – № 4. – С. 159, 162.

¹² Там же. – С. 165.

¹³ Славко, Т. И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936 / Т. И. Славко. – М., 1995. – С. 6.

¹⁴ Там же. – С. 14.

¹⁵ Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С. А. Папков. – Новосибирск, 1997. – С. 72.

¹⁶ Там же. – С. 74.

¹⁷ Мусаев, В. И. Коллективизация... – С. 191.

¹⁸ Там же. – С. 192.

¹⁹ Гуцин, Н. Я. «Раскулачивание»... – С. 106–107.

²⁰ Красильников, С. А. Массовые и локальные выселки крестьянства Западной Сибири в первой половине 30-х годов / С. А. Красильников // Гуманит. науки в Сибири. – 2000. – № 2. – С. 42.

²¹ Там же. – С. 43.

²² Там же. – С. 44–45.

- ²³ Красильников, С. А. Спецпереселения в Сибири в контексте становления репрессивной экономики в СССР (январь–март 1930 г.) / С. А. Красильников // Восточные регионы России : стратегии и практики освоения. – Новосибирск, 2006. – С. 88.
- ²⁴ Красильников, С. А. На изломах социальной структуры : маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.) / С. А. Красильников. – Новосибирск, 1998. – С. 60–61.
- ²⁵ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск, 2004. – С. 288, 291.
- ²⁶ Гинцберг, Л. И. Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП (б) «комиссии Андреева») / Л. И. Гинцберг // Отечеств. история. – 1998. – № 2. – С. 190.
- ²⁷ Виола, Л. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы / Л. Виола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : учен. зап. – 1999 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М., 1999. – С. 116.
- ²⁸ Там же. – С. 155.
- ²⁹ Красильников, С. А. Новосибирская область (г. Новосибирск) / С. А. Красильников // Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена» : сб. материалов по итогам первого этапа проекта : 2000–2003 годы / сост. В. М. Кириллов, Л. В. Ковальчук. – Нижний Тагил, 2003. – С. 142.
- ³⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 1999; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2001.
- ³¹ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1 : этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. : хроник.-док. сб. – Новосибирск, 2000; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2 : Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. : хроник.-док. сб. – Новосибирск, 2002; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3 : Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. – Новосибирск, 2003.
- ³² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. – М., 2004; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. – М., 2004.
- ³³ Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. А. Н. Яковлева, сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. – М., 2005.